

А. И. Тамбовцев

РЕАБИЛИТАЦИЯ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЮРИДИЧЕСКИЙ НОНСЕНС ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Работа посвящена изучению отдельных проблем восстановления конституционных прав и свобод человека и гражданина, нарушенных в процессе осуществления оперативно-разыскной деятельности. В статье сравниваются некоторые юридические дефиниции понятия «реабилитация» и проводится последующий анализ положений Закона об ОРД, касающихся соблюдения Конституционных прав и свобод человека и гражданина в контексте применения института «реабилитации» к сфере оперативно-разыскной деятельности. Автор оценивает допустимость и целесообразность использования правового института «реабилитация» применительно к оперативно-разыскной деятельности. Основываясь на полученных результатах, автор аргументирует предложенную им дефиницию и допускает возможность и необходимость законодательного закрепления института «реабилитации» в оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, права и свободы человека и гражданина, ограничение прав и свобод, восстановление конституционных прав и свобод, реабилитация.

A. I. Tambovtsev

REHABILITATION IN THE OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITY: LEGAL NONSENSE OR REALITY

The article is devoted to the problems of restoration of the human rights, violated during the crime detection (operational-search activity). The author compares some of the legal definition of «rehabilitation» and conducts the following analysis of the Law on operational-search activity, concerning the human rights restoration at the sphere of operational and investigative activities. The author assesses the admissibility and usefulness of the legal phenomenon of «rehabilitation» in relation to crime detection and investigative activities. Based on these findings, the author argues his proposed definition and allows for the possibility and necessity of legislative consolidation of the Institute of «rehabilitation» in the operational-search activity.

Keywords: crime detection (Operatively-search activity), search operations, Human rights, Constitutional rights and freedoms of man and citizen, the violation of rights and freedoms, the restoration of constitutional rights and freedoms, rehabilitation.

Любые общественные отношения прямо или косвенно, в большей или меньшей степени затрагивают права и свободы субъектов, в них вовлеченных. Правоприменение (как специфические общественные отношения) является тем видом деятельности, «где субъекты преследуют противоположные цели, где сталкиваются интересы сторон, а их отношения носят характер конфликта» [1, с. 22, 23], и где велика вероятность целенаправленного или случайного ограничения (нарушения) государством в лице должностных лиц прав и свобод человека и гражданина. Оперативно-

разыскная деятельность (далее — ОРД), являясь по своей сути познавательной и наступательной, имея ярко выраженный разведывательно-поисковый характер и специально адаптированный для этого правовой и функциональный инструментарий, еще более подвержена риску необоснованного вторжения в сферу конституционных прав и свобод.

В то же время ст. 2 Конституции Российской Федерации декларирует, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность

государства». В развитие данной правовой нормы ст. 52, 53 Конституции гарантируют компенсацию причиненного ущерба и возмещение вреда от незаконных действий (бездействия) органов государственной власти или их должностных лиц. Тем самым государство не только провозглашает приоритет прав и свобод над иными социальными благами, но и берет на себя ответственность за их обеспечение. Анализируя сущность указанных конституционных норм, можно констатировать, что фактически речь идет о таком юридическом понятии, как реабилитация — восстановление в правах. В контексте вышеизложенного считаем бесспорным, что посредством указанных положений институт реабилитации нормативно закреплён в Конституции России. Однако Конституция как основной закон не раскрывает прикладных процедур реализации данного принципа в жизнь, делегируя это федеральным законам и кодексам, регламентирующим отдельные сферы общественных отношений вообще и правоприменения в частности.

Учитывая многообразие и неоднородность общественных отношений и затрагиваемых при этом прав и свобод, можно предположить, что и процедуры реабилитации (их восстановление и/или компенсация вреда от их нарушения) должны содержательно отличаться друг от друга в зависимости от целого ряда факторов. Принимая же во внимание специфический (порой негласный) характер оперативно-разыскных правоотношений, сферу прав и свобод, которые могут быть нарушены (ограничены) в процессе осуществления ОРД, а также непосредственный механизм причинения вреда (ущерба), его размер и характер, следует признать, что и реабилитация в данной области — процесс уникальный, отличный от восстановления прав в иных областях, требующий особого внимания и нормотворцев, и правоприменителей.

Современные исследователи отмечают, что хотя проблемы восстановления нарушенных прав интересовали правоведов задолго до того, как институт реабилитации нашел свое законодательное выражение, в настоящее время (в период становления правового государства) всестороннее исследование данного института только начинается [2, с. 7,8]. Учитывая же «молодость» оперативно-разыскной деятельности как отрасли науки, следует признать этот тезис

еще более актуальным.

Рассмотрим, насколько же институт реабилитации применим в оперативно-разыскной деятельности вообще, ее отдельных сферах, и если применим, то каковы его специфические особенности, пределы и процедура. Принимая во внимание, что оперативно-разыскные правоотношения в их генезисе не являются замкнутым социально-правовым феноменом, а многогранно связаны с уголовно-процессуальными, административными, гражданскими, гражданско-процессуальными и иными правоотношениями, насущным представляется вопрос, не достаточно ли имеющихся в этих отраслях права механизмов восстановления и компенсации нарушенных конституционных прав и свобод и целесообразна ли подобная регламентация в Федеральном законе «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД).

Учитывая, что оперативно-разыскная деятельность (и возникающие при этом специфические общественные отношения) в большей части регламентирована специальным нормативным правовым актом — Законом об ОРД, можно предполагать, что и вопросы восстановления нарушенных при этом прав и свобод человека и гражданина должны быть отражены в нем же. Но так ли это?

Контент-анализ юридической и справочной литературы показывает, что в самом общем виде термин «реабилитация» (от позднелат. *rehabilitatio* — восстановление) означает «восстановление в правах» [2, с. 582]. Многочисленные попытки синтеза определения «реабилитации» при всей их научной ценности и аутентичности часто отличались лишь степенью обобщенности, относимостью к тем или иным правоотношениям и отражали персональные научные интересы конкретных авторов. Однако более детальное рассмотрение различных дефиниций указанного юридического понятия позволяет констатировать неоднозначность их правовой интерпретации, особенно применительно к сфере ОРД.

Так, полемичным нам представляется определение понятия «реабилитация» как «восстановление гражданина в судебном или административном порядке в социально-политических и гражданских правах, устранение иных последствий противоправного применения к нему мер принуждения или иного ограничения его

прав и свобод со стороны государства» [4, с. 738]. По нашему убеждению, гражданство как определенный правовой статус не может служить основанием для избирательного подхода государства при восстановлении нарушенных (ограниченных) прав какого бы-то ни было лица (например, гражданина иностранного государства или апатрида), что всецело соответствует положению ч. 2 ст. 19 Конституции России о равенстве прав человека и гражданина. Аналогичные суждения ранее высказывались рядом авторов [5, с. 119, 120; 2, с. 193], с которыми мы полностью солидарны. В контексте вышеизложенного более рациональной и юридически безупречной представляется позиция законодателя, отраженная в п. 34 ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» УПК РФ, соотносящего реабилитацию не с «гражданином», а с «лицом», безотносительно его гражданства. Однако предлагаемый Уголовно-процессуальным кодексом термин вполне логично имеет отношение исключительно к уголовному судопроизводству, что и отражено в определении, но в то же самое время ограничен в применении в иных областях права.

Кроме того, считаем обязательным отметить, что и имеющаяся в УПК РФ дефиниция (безотносительно к ее правовой области) не является безупречной. Очевидна ее «направленность» на лицо как на живого человека (физическое лицо), пострадавшего от неправомерной деятельности. Однако находим бесспорным, что от противоправных действий вообще и государственных органов в частности могут страдать не только физические, но и юридические лица — предприятия, организации, объединения разнообразных форм собственности и видов производственной или социальной деятельности. Совершенно логично, что и они вправе рассчитывать на восстановление своих погрязших имущественных и неимущественных прав, что и должно быть отражено в понятии юридического термина.

Анализируя закон об ОРД сквозь призму вышеизложенного, можно констатировать, что указанная концепция нашла свое воплощение в ст. 5, 8, 17, не ставящих проведение оперативно-разыскных мероприятий или содействие (а по сути — всю ОРД) и восстановление нарушенных прав и свобод в зависимость от гражданства лица. Более того, ретроспективное сравнение положений ныне

действующего закона об ОРД и Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности в Российской Федерации» от 13 марта 1992 г. № 2506-1 свидетельствует об отказе законодателя связывать ОРД с гражданством лиц, в нее вовлеченных. Это выразилось в изменении названия данного нормативного правового акта, названиях отдельных ОРМ и используемой терминологии. Также оптимальным представляется упоминание в ст. 5 закона об ОРД субъектов, которые могут пострадать от неправомерных действий при осуществлении оперативно-разыскной деятельности — физических и юридических лиц, что формально и содержательно является наиболее полным и достаточным.

Дальнейшее сравнение имеющихся дефиниций позволяет выявить еще одно важное в контексте настоящей статьи различие юридических взглядов, присутствующих в научной полемике. Так, некоторые предлагаемые справочной юридической литературой толкования данного понятия (точки зрения авторов) не связывают реабилитацию с возмещением причиненного вреда [4, с. 383; 6, с. 110]. Иные же соотносят восстановление нарушенного права с возмещением ущерба, причиненного этим нарушением [7, с. 11]. Не рассматривая порядок определения размеров и процедуры возмещения ущерба (и материального и морального), чему посвящено немало работ [8], мы всецело поддерживаем точку зрения об обязательности возмещения ущерба, разделяемую законодателем и нашедшую свое нормативное отражение в формулировке п. 34 ст. 5 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе» УПК РФ. Аргументируя эту позицию, считаем интересным отметить, что обязательное, на наш взгляд, возмещение ущерба детерминировано несколькими самостоятельными факторами.

Во-первых, нарушение прав и свобод человека и гражданина в абсолютном большинстве случаев влечет причинение ему морального и/или материального вреда [9]. Реабилитация при этом логично должна выражаться не только в восстановлении права обладания каким-либо социальным благом, но и в компенсации перенесенных переживаний (страданий) лица, т. е. морального вреда и понесенных им материальных убытков, упущенной выгоды и пр.

Во-вторых, некоторые конституционные права

и свободы могут быть реализованы исключительно посредством конкретных и своевременных действий правообладателя. Например, право избирать и быть избранным. Согласно ч. 3 ст. 32 Конституции России «Не имеют права избирать и быть избранным граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда». То есть нарушение данного Конституционного права лица выражается в невозможности избирать и быть избранным ввиду незаконного пребывания в местах лишения свободы. Последующее оправдание лица и восстановление его политических прав не вернут ему ранее утраченную возможность избирать или баллотироваться. То есть в рассматриваемом случае причиненный лицу вред не может быть компенсирован иначе, чем материально. Вопрос только в том, как (по каким критериям) оценить материальный эквивалент данного морального вреда.

В-третьих, нарушение отдельных неимущественных конституционных прав может сопровождаться опосредованным причинением материального ущерба отдельным лицам или организациям. Примером могут служить факты утраты или порчи чужого имущества должностным лицом (конфидентом) в ходе подготовки или проведения оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ) или следственных действий, ограничивающих права на тайну почтовых сообщений, неприкосновенность жилища, частную собственность и др. Соответственно и восстановление нарушенных прав данного вида должно выражаться, кроме всего прочего, в материальной компенсации понесенных убытков.

В-четвертых, несомненно должны быть материально (финансово) компенсированы те непосредственные затраты, расходы, убытки, которые понесло лицо в ходе оказания любого вида содействия оперативным подразделениям (или правоохранительным органам в целом), о чем упоминает Н. В. Павличенко [10, с. 53—60].

В-пятых, безоговорочной, по нашему мнению, компенсации подлежит материальный и моральный вред, причиненный третьим лицам оперативными сотрудниками или их конфидентами при имитации преступной деятельности, проведении оперативных комбинаций, легендировании каких-либо мероприятий и пр., что является актуальной те-мой

современной научной полемики [11, с. 47—53].

Таким образом, полагаем допустимым и целесообразным в наиболее общем виде (вне связи с какой-либо конкретной областью права) рассматривать далее реабилитацию как «восстановление незаконно или необоснованно ограниченных прав и свобод физического или юридического лица и возмещение причиненного ему вреда».

Резюмируя все вышеизложенное и оценивая с рассматриваемых позиций закон об ОРД, можно констатировать, что реабилитация как восстановление нарушенных прав и законных интересов физического или юридического лица и компенсация причиненного ему вреда предусмотрена положениями ст. 5 Закона об ОРД, однако изложена не прямо — путем перечисления соответствующих прав потерпевших (пострадавших от правонарушения) или обязанностей государственного органа (должностного лица), осуществляющего ОРД, а косвенно — указанием на определенные обязанности вышестоящего органа, прокурора или судьи.

Примечания

1. Шиенок В. П. К вопросу о содержании реализации принципа соблюдения конспирации в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Пути совершенствования оперативно-розыскной деятельности в условиях правовой реформы: сб. науч. тр. Мн., 1993. С. 22, 23.
2. Институт реабилитации в Российском законодательстве (возникновение, развитие, понятие, перспективы) / под общ. ред. В. И. Рохлина [и др.]. СПб., 2007. С. 7, 8.
3. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998. С. 582.
4. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. 5-е изд., перераб. / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 2007. С. 738; и др.
5. Трунов И. Л. Возмещение вреда и восстановление прав лиц, незаконно или необоснованно подвергнутых уголовному преследованию // Право и политика. 2004. № 7. С. 119, 120.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. С. 1107; и др.
7. Антонов В. И. Институт реабилитации и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2001. С. 11.
8. Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М., 2002. 832 с.; Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. 320 с.
9. Мы не рассматриваем случаи нарушения (ограничения) любых конституционных прав и свобод, при которых лицо по каким-либо субъективным причинам считает, что данным нарушением ему не причинен вред или же игнорирует его.
10. Оперативно-розыскное право: сб. науч. ст. / отв. ред. Н. В. Павличенко. Волгоград, 2014. С. 53—60.
11. Доманов Д. В. Имитация преступной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1 (60). С. 47—53; и др.